

355610

СЕРИЯ
ДЛЯ ГРОМКОЙ
ЧИТКИ

К 6473Е

О.Х.Л.

Е. Кононенко

СЫН

Газетно-книжное издательство Обкома ВКП(б)
Саратов

1942

Т о в а р и щ !

Прочитай эту книжку вслух у себя на предприятии или в колхозе, госпитале, школе, домохозяйкам.

После читки проведи беседу о патриотизме советских людей. Используй для беседы материал из жизни твоего предприятия, колхоза, школы.

Весь завод знал об огромной, исключительной любви сталевара Василия Ивановича Горуна к сыну Ивану, плечистому, кареглазому летчику, как две капли воды похожему на отца в молодости. Ваня занимал особое место в жизни Василия Ивановича и его жены Татьяны Максимовны. Ваню ждали много лет. Детей не было. Горун страстно желал сына и был в обиде на судьбу. Когда Татьяна Максимовна родила крепкого, ладного, как триб боровик, мальчонку, — это событие переживал весь завод. Друзья-сталевары поздравляли Василия Ивановича. Горун летал по поселку сам не свой от радости. Наконец, Татьяну Максимовну вышивать. Горун сам нес сына на своих широких, темных ладонях. Нес как драгоценность. Это было в дни, когда отцветали тополя. На голубое одеяло сына надали пушилки. Горун останавливался и бережно сдувал с одеяла эти пушилки. И улыбался празднично, гордо. Татьяна Максимовна тоже улыбалась. Она даже помолдела и похорошела. Два раза старик назвал ее Таней, как в первые годы женитьбы. Все металлурги смотрели на счастливую пару, снимали шапки, кланялись.

— Нани молодые пошли, — говорили они, довольно поглаживая усы.

Так родился Иван. В семье любили его без памяти. На заводе уж давно привыкли к тому, что сталевар Горун делился всеми событиями из жизни сына. Ваня научился читать. Ваня записался в пионеры. Ваня полетел. Об этом знали все друзья Горуна и радовались вместе с ним.

Письма Ивана Горуна с фронта Василий Иванович читал вслух. Иван писал редко и скупо, но слова были крепкие, веселые, горячие, как он сам.

«Здравствуйте, дорогие! Пишет вам ваш сынище — летчик Ваня Горун. Бьем гитлеровскую сволочь и в хвост и в гриву. Враг хитер, да ведь и мы сами с усами. Мамаша! У меня к вам просьба: вы знаете какой я любитель огурчиков вашего знаменитого засола, — как снимете огурцы с огорода, засолите для меня особую кадушечку, которую я сам сделал. Победим Гитлера, вернусь — и выпьем с вами, папаша, под наш горуновский огурец за победу. Уговорились? А если в случае чего голову придется сложить на поле брани — помяните вы меня под этот самый огурчик: жил-был такой Ваня Горун, крепко насолил он немцам. Дорогие мои, как вы там? Здоровы ли? Папаша, мы, летчики, на вас, сталеваров, надеемся, как на каменную стену...».

Татьяна Максимовна, конечно, плакала и сердилась, слушая строки — «я если голову придется сложить», но Василию Ивановичу все нравилось в письме сына, даже и такие жестокие слова.

— Узнаю коней ретивых, — говорил он, бурно волнуясь. — Эх, Ваня, надежда моя! Горун! Мать, мать, да утри ты нос, старая. Не срами сына. Сын-то у тебя какой орел. Мать, огурцы будем солить — непременно засолить в ваньяину посудину. Да сохранилась ли его кадушка?

Татьяна Максимовна принесла из чулана круглую деревянную кадунку, на крышке которой было вырезано перочинным ножом — «Ваня Горун».

...Когда на завод пришла весть о смерти Ивана, все взволновались. В завкоме на столе лежало извещение — маленькая бумажка, в которой было сказано, что летчик Иван Горун погиб геройской смертью на своем боевом посту... Бумажка пришла еще утром, но до сих пор так и не отдали ее Василию Ивановичу. Это было такое горе, к которому даже прикаснуться

355610

страшно, и никто не знал, как лучше это сделать. Сначала решили, что женщины подготовят мать, скажут ей, а она — Горуну. Потом подумали — нет, лучше все-таки оказать самому Василию Ивановичу. Пусть скажут старые друзья Горуна, сталевары... Потом подумалось: не лучше ли, чтобы эту скорбную весть передал Горуну кто-нибудь из рабочих, уже потерявших ранее сына на фронте. Думали-думали и ничего не решили. Василий Иванович спокойно заканчивал свою смену.

Смеркалось. В завкоме сгрудились у стола несколько человек. Тут был и директор завода, и секретарь парткома, и председатель завкома, и несколько старых рабочих. Сидели, как одна семья. Задумались. Так бывает только на нашем, советском заводе, где и радость и горе одного человека — не чужое для всех остальных.

Горун слал печь и, как обычно, зашел в завком спросить, нет ли ему писем. Его лицо просветлело от удовольствия, когда он неожиданно увидел все заводское командование.

— Доброго здоровья генералам! — весело сказал он, приосаниваясь. — Неплох нынче гостинец фашистскому воронью, товарищ директор? А? Тринадцать тонн с таким!

Сталевар спешил порадоваться результатами своего труда. Он снял сегодня тринадцать тонн стали с квадратного метра пода.

Горун заметил озабоченные лица товарищей и погас. — Что случилось? На фронте что-нибудь не так или у нас?

— У нас... — омуцено сказал секретарь парткома и отвел глаза.

— Садись, Иваныч.

Сталевару подвинули стул.

— Да не томите душу-то, что стряслось? — тревожно спросил Василий Иванович, чуя недоброе и темнея.

— Иваныч... — робко сказал кто-то, в голосе было столько любви и печали, что старик сталевар сердцем понял: то недоброе, что случилось, касается его, его, Горуна, лично...

— Ваня?! — воскликнул сталевар, хмурясь и хватаясь рукой то за сердце, то за плечо соседа и попадая мимо плеча.

Василий Иванович читал бумажку.

Его обступили, хотели что-то сказать, он махнул рукой, сел и, задыхаясь, провел по лицу широкими закопченными ладонями. Потом тяжело поднялся, и все увидели, какой он старый, знатный сталевар завода. Никто раньше не замечал этого, никто не замечал его седых висков, морщин его лица, сутулой спины. Теперь и седина, и морщины, и сутулость спины резко обозначились.

— Пойду... — прошептал он и, как слепой, вытянув вперед свои сильные, жилистые руки сталевара, пошел, шатаясь, к дверям.

— Пойдем, Иваныч, — сказал друг Горуна Степанов и взял его под руку. А под другую руку взял его второй друг — Макеев. Так они и пошли, старейшие сталевары завода, поддерживая своего друга, которого горе шатало, как ураган сильное дерево.

..Татьяна Максимовна уже знала о смерти Вани. Она сидела на смятой постели. Ее лицо было неподвижно. Она не шелохнулась, когда вошел Василий Иванович.

— Мать, — шепотом сказал Горун, подходя к жене, — мать... Ты знаешь. — Он приник лицом к ее плечу. Она смотрела куда-то в пространство, все такая же неподвижная и безучастная, словно в комнате никого не было.

— Мать, — повторил громче Василий Иванович, пугаясь ее окаменелого лица, — не надо.. Слышишь?

Татьяна Максимовна хотела что-то сказать и только пошевелила беззвучно губами. На подушке лежала карточка Вани — веселое, живое лицо, крупные карие глаза.

— Проклятые! Гады! Они заплатят за это.. Душить,

душить до последнего, — взревел Василий Иванович, увидя карточку, и заметался по комнате, опрокидывая предметы, которые попадались на пути.

Только тогда очнулась от своего беспамятства Татьяна Максимовна.

— Отец... что же это... господи... отец! — Цепко схватила руку Горуна. Глаза смотрели с мольбой. И говорили эти материнские глаза: «Не могу я. Не могу. Скажите мне, скажите мне, люди добрые, что-нибудь».

И ничего сейчас не мог сказать Василий Иванович Горун. Ничего. Поднял отяжелевшую руку и погладил жену, как девочку, по седеющей голове.

Они сидели рядом, как осиротевшие дети. Молчали. Плакали. Оцепенели. В углу комнаты, в темноте белела пузатенькая кадучка с надписью, вырезанной перочинным ножом. И, казалось, эта темнота и безмолвие останутся навсегда.

И вдруг что-то произошло. Они сразу не поняли — что.. Кто-то постучал в дверь и вошел, не дождав-шись ответа, и сел без спроса на постель. И чей-то голос сказал горячо, нежно и жалобно.

— Это я.. вы меня не знаете.. я недавно письмо получила от Вани. Ну и вот. Не могу теперь.. Пришла к вам. Прочту.

Это была девушка. Маленькая, смутлая, черноглазая. Она зажгла свет и снова села на постель. Достала конверт, согретый ее сердцем.

— Вот.. — сказала девушка решительно, и краска залила ее щеки, уши, шею, — «..я вернусь, и тогда мы будем вместе. А если я не вернусь, — ведь это возможно на войне, — то не смей жалеть Горуна, не смей плакать, потому что он, умирая, не проронит ни одной слезинки, будь уверена. Честное слово, нет большего в жизни, чем борьба за родную землю. Я не думаю о себе. Конечно, хочется жить и вернуться. А за свою и твою жизнь я уложил порядочное количество фашистских скотов. Не зря копил небо! Ты скажешь — я все шучу. Честное слово, не шучу. Я уж так сказать, авансом, на случай моей гибели, всыпал

фрицам. Товарищи за меня подпишат. И отец мой зальет фашистскую слотку сталью, будьте покойны. Это им не что-нибудь иное, а СССР!..»

— Ну, дальше.. совсем личное, — тихо сказала девушка.

— Нет, ты все, все читай,—ревниво сказал Василий Иванович. Потухшие глаза его блеснули. Руки протянулись к письму..

— «Будь здорова, любимая смугляночка.. До встречи!»—смущенно и горько прошептала девушка. Оправившись от смущения, она воскликнула страстно:

— Вот какой был мой Ваня!

Василий Иванович поднялся с постели, пораженный словами девушки, в большом волнении зашагал по комнате. Потом сказал глухо:

— На то он и Горун! Не мой это сын был бы, кабы жила в нем кроличья душа.

— Не наш это сыночек был бы.. — задыхаясь, прошептала Татьяна Максимовна, жалью глядя на девушку, которая назвала ее сына «мой Ваня». Она схватила письмо и прижала к груди, словно родную голову сына.

— Я пришла вам сказать.. Я уезжаю на фронт, — порывисто воскликнула девушка. Черные круглые глаза ее блестели.

— Вот как.. — пробормотал Горун и, приблизившись к девушке, схватил в свои огромные ладони ее маленькую руку.

— Молоденькая какая..—растроганно сказала Татьяна Максимовна. — Отец с матерью где? Чья ты?

— Я в детдоме воспитывалась.. Мне Ваня самый родной.

Родинка над верхней девичьей губой задрожала.

— А мы разве чужие тебе? — Татьяна Максимовна обняла девушку. Слезы матери и любимой погибшего воина слились и обоим принесли облегчение.

Горун взволнованно подошел к женщинам, хотел что-то сказать и ничего не сказал. Потом снял с гвоздя кепку и шагнул к дверям.

— Куда ты, отец? На тебе лица нет.. Ослаб ты, — встрепенулась Татьяна Максимовна.

— На завод, мать, — не оборачиваясь, ответил Василий Иванович.

... Сталевар Горун молча вошел в мартеновский цех. В руках у него был кусок кумача, на котором он собственноручно написал крупными белыми буквами слова сына:

«Зальем фашистские мотки сталью».

— Повесьте, ребята, — сказал он подручным и встал у печи. Слезы застилали его глаза. Он стиснул зубы и с силой выпрямил плечи, которые согнуло горе.

Горун работал в эту ночь неустово. Подручные восторженно следили за его движениями. Это была атака, наступление, месть. Сталь клокотала, кипела, вставала на дыбы, как огненный конь.

Горун косил воспаленный от печного жара глаз в сторону красного стяга, и этот глаз загорался юношеским огнем, словно в словах, написанных на кумаче, оживал сын сталевара — Ваня.

В эту ночь Василий Иванович Горун сварил столько стали, что все на заводе ахнули.

— Василий Иванович! Дорогой ты наш.. Вот это рекорд! — говорили рабочие и инженеры, забежавшие на рассвете в мартеновский цех. Все поздравляли Горуна, жали ему руку, спрашивали:

— Да как же это ты? Да как же это так!

Василий Иванович Горун стоял у печи. На утомленном лице его была гордая улыбка, а глаза горели ненавистью к врагам.

— Это им не что-нибудь иное, а СССР! — сурово ответил Василий Иванович словами сына, утирая пот и копоть с лица.

Елена Кононенко

Отв. за выпуск Н. Богданова.

Корректор Н. Пржевальская.

№25 98, Подп. к печ. 24-ХП 1942 г. Печ. л. 1/4. Зак. № 4450. Тир. 500 0.
Цена 5 к. Саратов. Типография газетно-книжн. изд-ва Обкома ВКП(б).

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

355610